

Дезертиры из РККА в годы Гражданской войны: к истории Гуслицкого края в 1920 году

А. В. Посадский

Антон Викторович Посадский, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории государства, права и международных отношений Поволжского института управления — филиала РАНХиГС. 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164, в/г № 2. E-mail: Posad1968@mail.ru

Аннотация. В статье предложен анализ локального исторического сюжета периода военного коммунизма в России. Ее цель — продемонстрировать на конкретно-историческом материале значимость учета широкого спектра факторов при анализе событий Гражданской войны. Показаны возможности применения локального исследования для построения значительного обобщения, указано на опасности экстраполяции. При изучении Гражданской войны культурно-исторические особенности тех или иных краев часто не замечались и не учитывались, хотя и проявились в новой революционной жизни. Предложенный сюжет связан с распространенным явлением указанного периода — массовым дезертирством и уклонением от службы в Красной армии крестьянского населения. Источником послужила служебная переписка Войск внутренней службы Советской России. События эпохи военного коммунизма наложились на бытие культурно-исторического микрорегиона с богатой историей — староверческих Гуслиц. В представленном описании присутствуют по меньшей мере три информационных пласта. Во-первых, это история, характерная для времен военного коммунизма; во-вторых, яркая иллюстрация социальной жизни русской деревни кануна и периода Революции; в-третьих, описание пореволюционной судьбы населения специфического края — с выраженным самосознанием и сложной историей. Сделан вывод, что на протяжении Гражданской войны социальные взаимоотношения по горизонтали и по вертикали складывались как под воздействием факторов, вызванных собственно внутренним противостоянием, так и культурно-исторических особенностей того или иного края. Таким образом, исследовательское внимание должно сосредотачиваться на подобных особенностях для более надежного воссоздания как картины Гражданской войны, так и социальной истории периода военного коммунизма.

Ключевые слова: локальная история, Россия, Гражданская война, Московская губерния, староверие, Гуслицы, советская власть, дезертирство

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-2-36-45

«Большая» история страны неизменно взаимодействует с местной, локальной историей, что помогает ставить исследовательские вопросы. Так, американский ученый Стивен Хок по материалам господской вотчины Тамбовской губернии предложил новый взгляд на проблему существования и поддержания крепостного права в России (Хок, 1993). Однако проблема экстраполяции част-

ных результатов на более широкий круг явлений может оказаться непростой и вызвать полемику. Хорошо известно произведение о воронежской деревне, которое надолго стало доказательством трагического положения русского крестьянства в начале XX века (Шингарев, 1907). Хотя это санитарное исследование было проведено на материалах всего двух поселений, и на него последовали возражения (Каченовский, 1909).

Предлагаемый локальный сюжет относится к времени Гражданской войны. Революция и последовавшие за ней события произошли в быстро менявшейся огромной и разнообразной стране, они сформулировали политическую повестку, свой язык, привели к упрощению жизни и тем более социальных представлений. Как правило, события Революции и Гражданской войны рассматриваются и оцениваются в довольно узком содержательном «коридоре». Речь идет об их предпосылках и результатах, при этом преобладают социально-экономические, политические и военные сюжеты. Гражданская жизнь представлена прежде всего как «жизнь в катастрофе» (Нарский, 2001).

Между тем военно-революционные события происходили в притомливо разнообразной жизни, накладывались на многочисленные местные особенности и локальные традиции, актуализировали историческую память, местную солидарность или, напротив, вражду.

Частный случай борьбы с дезертирством

Несколько документов, которые отложились в обширном фонде Управления Войсками внутренней службы РСФСР, позволяют увидеть целостный сюжет эпохи военного коммунизма, который и будет подробно рассмотрен.

События разворачивались в октябре-ноябре 1920 года в Подмоскowie. В это время заканчивалась большая Гражданская война между белыми и красными, армия генерала П. Н. Врангеля покидала Крым. Московская губерния пережила довольно сильную волну «зеленого движения» летом 1919 года, но осенью 1920-го было вполне спокойно (если оставить в стороне саму систему военного коммунизма).

Одна из многих историй взаимодействия советских инстанций с многочисленными дезертирами в 1918–1920 годах началась так. Начальник штаба войск ВОХР (внутренней охраны республики, с 1 сентября 1920 года вошли в состав ВНУС — Войск внутренней службы) В. С. Корнев 23 октября 1920 года написал военному комиссару Московского округа Бурдукову о том, что в Дороховской волости Богородского¹ уезда отмечается скопление вооруженных дезертиров. Следовательно, требовалась вооруженная сила для их поимки.

1. С 1930 года Богородск носит название Ногинск.

В тот же день командир 3-й стрелковой бригады сделал доклад командующему войсками ВОХР о произведенной разведке. В разведку в Богородск ходил секретарь коммунистической ячейки 2-го стрелкового полка Кудинов с четырьмя сослуживцами. По прибытии на место они связались с секретарем уездного комитета партии и распределили между собой территории, на которых необходимо было собрать информацию. Секретарь укома ничего не знал, и разведчики отправились к уездному военному комиссару Матюшину, старому партийному работнику. Военком подтвердил наличие дезертирского скопления человек в 110, частично вооруженных. Матюшин уже посылал своего помощника в столичную комиссию по борьбе с дезертирством с просьбой прислать или сессию ревтрибунала, или отряд человек в 50. Однако столичная инстанция отдалась обещаниями, местные же силы были представлены только одной ротой, которая несла караульную службу в уездном центре и почти ежедневно сопровождала мобилизованных. При военкомате имелось всего два пулемета. Кроме того, был отряд особого назначения из коммунистов в 90–100 человек. Дезертиры занимались грабежами по всей волости — отбирали коров, овец и т. п., крестьяне жаловались на это местной комиссии по борьбе с дезертирством. Так встал вопрос об «изъятии» (вполне обиходный термин в 1918–1921 годах) дороховских дезертиров. При этом в уездном городе настроение рабочих по отношению к советской власти было хорошим, успешно проходил и сбор вещей для фронта, активных антисоветских выступлений не ожидалось. Однако волость располагалась далеко, в 60 верстах от уездного центра, поэтому командир бригады полагал необходимым прислать отряд и задержать местных дезертиров.

Начальник оперативного управления штаба войск ВНУС 26 октября 1920 года выразил недовольство небрежным сбором сведений. Комбригу пришлось объясняться, а разведчику — вновь отправляться в проблемную волость. Наконец 30 октября последовал повторный доклад Кудинова о более основательной разведке. На этот раз ее произвели вдвоем, взяв в помощь местного милиционера и представителя уездной комиссии по борьбе с дезертирством. В селе Богородском милиционер указал дома, в которых были дезертиры. В одном из них жили известные бандиты, братья Кабановы, но их дома не оказалось — они скрывались. В этом селе было задержано шесть дезертиров. На вопрос, почему дезертирствуют, задержанные резонно ответили, что в селе все дезертирствуют, отчего бы им служить? В деревне Титово вечером в одном из домов слышались звуки вечеринки. Разведчик вошел,скомандовал: «Ни с места!» — и начал проверку документов. Из восьми молодых людей лишь у одного обнаружили правильные документы. Остальные объявили себя дезертирами. В двух следующих деревнях также без малейших усилий поймали по 7–8 дезертиров. Оружия у них было мало, лишь у некоторых имелись револьверы и охотничьи ружья центрального боя. Чего-либо опасного для власти

ожидать, при таких обстоятельствах не стоило. Вечером разведчик услышал 5 или 6 выстрелов. Председатель исполкома пояснил, что это дезертиры, и стрельба происходит каждый день. По волости гуляли 192 дезертира (их поименный список, представленный волостным военкомом, сохранился в деле), среди которых имелись злостные и бандиты. Вооруженных среди них было не более 25–30. Разведчик оговаривался, что дезертиров может оказаться и больше, но о других не было сведений. Главарем являлся бандит Чуркин из села Равенского, его помощниками — братья Кабановы. Местная власть несколько раз безуспешно пыталась поймать Чуркина, а Яков Кабанов даже был схвачен, но по дороге в уездный город выскочил на полном ходу поезда и продолжил свою деятельность.

29 октября 1920 года в Богородском на пять часов вечера назначили собрание, причем председатель сельсовета лично оповестил каждого домохозяина. Однако не явился никто. По сообщению Кудинова, личных убеждений у жителей не имелось, агитация же против власти — велась. Жители волости оценивались им как кулаки и староверы.

Задержанные дезертиры говорили, что явились бы добровольно, если бы пришел отряд и объявил добровольную явку. Иными словами, готовы были легализоваться без последствий за свое дезертирство. Разведчик полагал, что для изъятия дезертиров нужен отряд человек в 40, можно даже без пулемета, дабы прекратить их свободную жизнь и избежать скопления из других волостей.

С 1 ноября волость должна была перейти из Богородского уезда в состав Орехово-Зуевского уезда той же Московской губернии, шла передача дел, что усложняло административные взаимодействия.

Положение дел в волости прояснилось. Начальник штаба войск ВОХР республики отдал распоряжение командующему войсками ВОХР Московского округа 10 ноября 1920 года ликвидировать означенную угрозу в кратчайший срок. По его мнению, две сотни дезертиров волости представляли реальную опасность, несмотря на отсутствие оружия.

В Дороховскую волость отправился отряд 2-го полка 3-й стрелковой бригады, однако он был возвращен усилиями Орехово-Зуевского военкомата. 26 ноября уездный военком так объяснял отказ от использования красноармейского подразделения: Дороховская, Запонорская, Теренинская, Федоровская волости «с давних пор являлись районом концентрации дезертиров, а также с хорошим уголовным прошлым»². Обмен мнениями между заведующим уездным политбюро (подразделение Всероссийской чрезвычайной комиссии), начальником отдела управления совета и начальником милиции позволил прийти к выводу, что массовые облавы без надлежащей разведки применять нецелесообразно. Кроме того, до 1 декабря

2. Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 42. Оп. 1. Д. 1908. Л. 19 об.

проходил поверочный сбор, и была объявлена добровольная явка дезертиров. Борьба с дезертирством шла гораздо успешнее путем конфискации имущества, сельскохозяйственного инвентаря, именно это давало явку. В результате предполагавшуюся облаву на дороховских дезертиров отменили.

Командующий войсками ВНУС возмущался самовольным распоряжением орехово-зуевского военкома и требовал привлечь его к ответственности. 30 ноября Московский окружной военный комиссариат объяснялся по этому же поводу со штабом войск ВНУС: такую картину рисует служебная переписка. Дальнейшее развитие данной истории документально не прослеживается³.

Интерпретация

В описанном сюжете можно обнаружить по меньшей мере три информационных пласта. Во-первых, это довольно типичная история времен военного коммунизма. Во-вторых, это иллюстрация к социальной жизни русской деревни кануна и периода Революции. Наконец, в-третьих, и это главное, данная история приоткрывает революционную судьбу очень специфического края с долгой историей. Рассмотрим перечисленные аспекты по порядку.

Дезертирство и уклонение от службы в годы Гражданской войны носили массовый характер. Советская власть, развернув широкое военное строительство, боролась с этим явлением, сочетая приемы устрашения с настойчивой агитацией, строя дезертирам «золотые мосты» в виде амнистий и «недель добровольной явки». Дезертиров делили на «злостных» и «по слабости воли». Первые составляли основной контингент для активного сопротивления, были ядром дезертирских и «зеленых» восстаний. Всякого рода группирования, «скопища» дезертиров вызвали опасения властей, ибо из них могли развиться крупные протестные движения, как не раз и случалось.

Информация о подобном скоплении вызвала служебную переписку и в нашем случае. Однако быстро выяснилось, что дезертиры не агрессивны и политической опасности не представляли, скорее только являли собой соблазн безнаказанности. Обнаружился показательный конфликт: старшее начальство по линии ВНУС возмутилось самоуправной отменой уездным военным комиссаром назначенной облавы. Между тем, как представляется, военком был прав. Облавы недостаточными силами не приносили успеха, в то время как конфискация скота легко давала нужный результат. Подобные факты известны и по другим губерниям (Посадский, 2018: 116). Дезертиры не раз выкупали «повинной головой» собственное достоинство. Власть охотно использовала такой безотказный рычаг воздействия на непокорную и даже бунтующую деревню.

3. РГВА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1908. Л. 1, 3–3 об., 4, 6, 8–10 с об., 13, 19–19 об., 20.

В социальном разрезе наш пример демонстрирует вполне знакомую по многочисленным описаниям жизнь предвоенной деревни. Некрупные грабежи на уровне похищения чужой овцы, что могло и не иметь корыстного характера, револьверы в руках и регулярная пальба на улице — это картина классического хулиганства: вызывающего, шумного и нарочито криминального поведения деревенской и фабричной молодежи. В фабричном восточном Подмоскovie такой образ жизни был весьма распространен.

Н. О. Лосский писал о хулиганстве вкупе с интеллигентским нигилизмом в своем труде «Характер русского народа», отмечая его богоборческий характер (Лосский, 1991: 338–353). Библиографический указатель известного социолога И. А. Голосенко (Голосенко, 1995) рельефно демонстрирует, сколь много внимания уделяла молодая русская социология новому, тревожному и очень заметному общественному явлению, которое называли хулиганством. Само слово было новым и служило для обозначения нового явления. Для общественного сознания показательной оказалась популярность повести на эту тему И. А. Родионова «Наше преступление» (1909), выдержавшей в 1910 году пять изданий. Многократно обращался к теме общей распущенности молодежи, расстройств школы и негативных тенденций в сельской жизни известный публицист М. О. Меньшиков. Он также отмечал господство в деревне анархии, цинизм и поножовщину как уже привычные атрибуты сельской жизни и молодежного досуга (Меньшиков, 1998).

В одной из деревень в нашем случае дезертиров задерживают на вечеринке. Подобные сюжеты не единичны. В другом подмосковном уезде дезертиры массово присутствовали на любительском спектакле, где и были застигнуты облавой. Наиболее изобретательные даже использовали женские платья из реквизита, чтобы скрыться (Войцекян, 1928: 93–94). Культурный досуг был другим способом времяпрепровождения деревенской молодежи. И хулиганство, и более или менее «культурные» посиделки и мероприятия имели общей основой перенаселенность деревни, избыток молодежи, быстро расширявшей горизонты через систему начального образования и отхожие промыслы и столь же стремительно наращивавшей запросы на более разнообразную жизнь.

Итак, в годы военного коммунизма деревня живет и развлекается вполне привычно. Понятно, что основной костяк местной молодежи, в данном случае благополучно дезертирствовавшей, был главным участником посиделок, стрельбы и т. п. развлечений. В глазах власти эта привычная жизнь могла приобрести оттенок политического протеста.

Наконец, все эти более или менее заурядные события разворачивались в весьма не заурядной местности. Речь идет о труднодоступном крае, который издавна населяли старожилы, — Гуслицах (Лизунов, 1992). В наше время много трудов на изучение прошлого Гуслиц, в том числе через актуализацию живой народной памяти, положил С. С. Михайлов (Михайлов, 2006, 2012).

Советские уездные и губернские инстанции в 1918–1921 годах неоднократно оправдывали неудачи в борьбе с «политическим бандитизмом» тем, что те или иные места — истари бандитские. Подобное утверждалось, например, о тамбовских краях в первые месяцы Тамбовского восстания 1920–1921 годов, об уездах в полосе Западного фронта РСФСР (Посадский, 2004: 214, 216). Близкий мотив видим и в нашем сюжете. Речь идет о группе волостей с уголовным прошлым и о жителях — кулаках и староверах. В данном случае это не преувеличение. Дороховская волость расположена в самом сердце знаменитого Гуслицкого края, обособленной местности, населенной староверами-беспоповцами. Район выделялся хмелеводством, а также отличался поголовной грамотностью населения, развитым разбоем, конокрадством и фальшивомонетничеством. Глухой край жил своей привычной жизнью. Сплоченное, весьма оборотистое и отчужденное от властных институтов население прочно занимало свои, в том числе криминальные, хозяйственные ниши и было известно на всю Россию. Именно здесь родилась слава атамана Василия Чуркина. Реальный персонаж девятнадцатого столетия превратился в художественный образ во многом благодаря роману в четырех книгах «Разбойник Чуркин» писателя Н. И. Пастухова и его многочисленным лубочным вариациям. Долгая фольклорная память, переплетавшаяся с литературным образом, сформировала местную робин-гудовскую легенду. Неуловимый атаман, грабивший только богатых и помогавший обездоленным, стал визитной карточкой края. Впрочем, реальный Чуркин убил за свою бурную криминальную жизнь, видимо, только одного человека, негодяя старосту.

В приведенных документах упоминается житель села Равенского Чуркин как главарь местной банды. Равенская — деревня Дороховской волости. Упомянутый легендарный разбойник В. Чуркин имел двух дочерей, одна из которых была замужем и прожила всю долгую жизнь в селе Запоторье. Там же поселилась после смерти супруга и вдова Чуркина. В принципе, вполне возможен в 1920 году достаточно взрослый внук В. Чуркина в качестве главаря. Хотя могло работать имя, и «Чуркин» отнюдь не был Чуркиным. А вот Кабановы, злостные дезертиры в 1920 году, — это вполне реальные бандитские главы. Известны по меньшей мере четверо Кабановых — участников Первой мировой войны из деревни Беливо Запоторской волости, среди них Яков Кабанов, солдат-сапер на 1916 год⁴. Можно полагать, что он и упомянут как один из злостных дезертиров. Известно, что банда какого-то Кабанова, возможно, этого Якова, была уничтожена только в начале 1930-х годов; видимо, она стала последней классической разбойной шайкой гусяков (Михайлов, 2015: 310).

4. Памяти героев Великой войны 1914–1918 гг. Запоторские деревни Беливо, Гора, Давыдово, Дуброво, Елизарово // Старообрядческое Подмосковье. URL: https://www.genealogy-kzn.ru/velikaya_voina_2/#more-3730

Образ бандита с принципами, «заблудшую русскую душу» Василия Белоусова, рисует в «Очерках уголовного мира царской России» такой компетентный и несентиментальный свидетель, как А. Ф. Кошко. В этом случае речь также идет о Московской губернии, о событиях 1911 года. Никаких иных координат Кошко не приводит. Сам герой криминального очерка вполне попадает в образ удальца и заступника, но не душегуба и злодея, что сродни народному образу атамана Чуркина.

Трудности для власти в борьбе с дезертирами создавали и административные границы. В нашем случае имеет место передача волостей в другой уезд. На 1917 год в Богородском уезде было 17 волостей, в 1918–1919 годах одна из них была переименована, две другие объединены. Наконец, в январе 1921 года Дороховская, Запонорская, Теренинская и Фёдоровская волости были переданы в Орехово-Зуевский уезд Московской губернии, а Беззубовская и Ильинская — в Егорьевский уезд Рязанской губернии. Упоминания о начале административной передачи еще осенью 1920 года присутствуют в текстах нашего кейса. В годы Гражданской войны неоднократно препятствием для борьбы с рейдирующими повстанцами выступали границы, за пределы которых не могли (возможно, и не очень стремились) перемещаться местные формирования. В результате эффективную борьбу вели ударные конные части или соединения, не стесненные местной подчиненностью. Гуслицкий край и до Революции располагался на стыке Московской, Владимирской и Рязанской губерний. Местные преступники обладали устойчивым навыком переходить в соседнюю губернию и таким образом путать следы. Так что и здесь мы можем наблюдать продолжение долгой традиции. Советские бюрократические упражнения только добавляли гусялкам удобств и возможностей для жизни в «серой зоне».

Образ «атамана Чуркина» получил второе дыхание в годы Гражданской войны уже в качестве героя революционного пантеона. Мимолетный донской красный лидер Н. М. Голубов в начале 1918 года пытался сделать песню про атамана донским революционным гимном. Известен бронепоезд РККА с таким названием на Южном фронте. Песня об атамане Чуркине была любима красноармейцами, о чем упоминает Д. Фурманов (роман «Чапаев», глава «Сломихинский бой»). На ее мотив появлялись вариации, в том числе «Мы красные солдаты».

Итак, частный случай, описанный в сохранившейся служебной переписке, позволяет увидеть несколько уровней социальных взаимоотношений в крае с яркой региональной спецификой в условиях военного коммунизма. Позволительно предположить, что на протяжении Гражданской войны конфигурации взаимоотношений крестьян с менявшимися властями складывались как под воздействием факторов, вызванных собственно внутренним противостоянием, так и культурно-исторических особенностей того или иного края.

Соответственно, исследовательское внимание в будущем должно сосредотачиваться на подобных особенностях для более надежного воссоздания картины, «ткани» междоусобной борьбы в годы Гражданской войны.

Библиография

- Войцекян А. И. (1928). В зеленом кольце. М.–Л.: Московский рабочий.
- Голосенко И. А. (1995). Социологическая литература России второй половины XIX — начала XX в.: Библиографический указатель. М.: Онега.
- Каченовский Л. П. (1909). Вымирающая деревня д-ра Шингарева. (Критическое исследование). Харьков.
- Лизунов В. С. (1992). Старообрядческая Палестина (из истории Орехово-Зуевского края). Орехово-Зуево.
- Лосский Н. О. (1991). Условия абсолютного добра: основы этики. Характер русского народа. М.: Политиздат.
- Меньшиков М. О. (1998). Выше свободы: статьи о России. М.: Современный писатель.
- Михайлов С. С. (2006). Гуслицы: исторический феномен региона // История Московского края. Проблемы, исследования, новые материалы. Вып. 1. М.: Древлехранилище. С. 269–282.
- Михайлов С. С. (2012). Легенды и тайны Гуслицкого края. М.: Археодоксія.
- Михайлов С. С. (2015). Василий Чуркин — гуслицкий Робин Гуд // Гиль. Из истории низового сопротивления в России. М.: Common Place. С. 307–316.
- Нарский И. В. (2001). Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Посадский А. В. (2004). Военно-политические аспекты самоорганизации российского крестьянства и власть в 1905–1945 годах. Саратов: Научная книга.
- Посадский А. В. (2018). Зеленое движение в Гражданской войне в России: крестьянский фронт между красными и белыми, 1918–1922 гг. М.: Центрполиграф. Интернет-версия.
- Хок С. Л. (1993.) Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии / Пер. с англ. М.: Прогресс-Академия.
- Шингарев А. И. (1907). Вымирающая деревня: опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. СПб.: Общественная польза.

Deserters from the Red Army during the Civil War: to the History of the Guslitsky Region in 1920

Anton V. Posadsky, DSc (History), Professor, Povolzhsky Institute of Management — a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Moskovskaya St., 164. Saratov, 410012. E-mail: Posad1968@mail.ru.

Abstract. Based on the local historical data, the article aims at proving the importance of a wide range of factors in the analysis of the events of the Civil War in Russia. The author shows both the potential of local research for significant generalizations and the dangers of such extrapolation. In the studies of the Russian Civil War, cultural and historical features of certain regions are often ignored, although they were crucial for the new revolutionary life. The proposed issues are connected with a common phenomenon of that period — the peasants' mass desertion and evasion from service in the Red Army.

The article is based on the official correspondence of the Internal Service Troops of Soviet Russia. The events of the era of war communism strongly affected the cultural-historical micro-region with a rich history — the Guslitsy Old Believers. The author identifies at least three informational layers in the presented description and concludes that during the Civil War, horizontal and vertical social relationships developed under the influence of both factors of internal confrontation and cultural-historical characteristics of the region. Thus, the research should focus on such features to reconstruct with a high degree of reliability both the situation of the Civil War and the social history of war communism.

Key words: local history, Russia, Civil War, Moscow Province, old believers, Guslitsy Region, Soviet power, desertion

References

- Golosenko I. A. (1995) *Sotsiologicheskaja literatura Rossii vtoroj poloviny XIX — nachala XX v.: Bibliografichesky ukazatel* [Russian Sociological Works of the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries: Bibliographic Index], Moscow: Onega.
- Hoch S. L. (1993) *Krepostnoe pravo i sotsialny kontrol v Rossii: Petrovskoe, selo Tambovskoj gubernii* [Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in the Tambov Province], Moscow: "Progress-Akademija".
- Kachenovsky L. P. (1909) *Vymirajushhaja derevnja. Doktor Shingarev (Kriticheskoe issledovanie)* [Dying Village. Doctor Shingarev (Critical Study)], Kharkov.
- Lizunov V. S. (1992) *Staroobrjadcheskaja Palestina (iz istorii Orekhovo-Zuevskogo kraja)* [Old-Believers Palestine (from the History of the Orekhovo-Zuevsky Region)], Orekhovo-Zuevo.
- Lossky N. O. (1991) *Uslovia absolutnogo dobra: osnovy etiki. Kharakter russkogo naroda* [Conditions of Absolute Goodness: Foundations of Ethics. Character of the Russian People], Moscow: Politizdat.
- Menshikov M. O. (1998) *Vyshe svobody: statyi o Rossii* [Above Freedom: Articles about Russia], Moscow: Sovremenny pisatel.
- Mikhajlov S. S. (2006) *Guslitsy: istorichesky fenomen regiona* [Guslitsy: Region as a historical phenomenon]. *Istorija Moskovskogo kraja. Problemy, issledovanija, novye materialy*, vol. 1, Moscow: Drevlekhranilishche, pp. 269–282.
- Mikhajlov S. S. (2012) *Legendy i tajny Guslitskogo kraja* [Legends and Mysteries of the Guslitsky Region], Moscow: Arkheodoksija.
- Mikhajlov S. S. (2015) *Vasily Churkin — guslitsky Robin Hood* [Vasily Churkin – Robin Hood from Guslitsy]. *Gil. Iz istorii nizovogo soprotivlenija v Rossii*, Moscow: Common Place, pp. 307–316.
- Narsky I. V. (2001) *Zhizn v katastrofe: budni naselenija Urala v 1917–1922 gg.* [Life in a Catastrophe: Everyday Life of the Population of the Urals in 1917–1922], Moscow: ROSSPEN.
- Posadsky A. V. (2004) *Voenno-politicheskie aspekty samoorganizatsii rossijskogo krestijanstva i vlast v 1905–1945 godah* [Military-Political Aspects of the Russian Peasantry Self-Organization and the State in 1905–1945], Saratov: Nauchnaja kniga.
- Posadsky A. V. (2018) *Zelenoe dvizhenie v Grazhdanskoj vojne v Rossii: krestijansky front mezdu krasnymi i belymi, 1918–1922 gg.* [The Green Movement in the Russian Civil War: Peasant Front between Reds and Whites, 1918–1922], Moscow: Tsentrpoligraf.
- Shingarev A. I. (1907) *Vymirajushchaja derevnja: opyt sanitarno-ekonomicheskogo issledovanija dvuh selenij Voronezhskogo uezda* [Dying Village: A Sanitary-Economic Study of Two Villages in the Voronezh District], Saint Petersburg: Obshhestvennaja polza.
- Vojtsekan A. I. (1928) *V zelenom koltsce* [In the Green Ring], Moscow–Leningrad: Moskovskiy rabochy.